

вместе с произведениями Феокрита, Феогида, Пифагора, Катония Старшего.³

В то же время, что и «Менандра Мудрого разуми», в древнерусской письменности появляется памятник стоической философии «Енхидрион» Эпиктета, правда, подвергшийся христианской обработке, но такой, которая не затронула существа Эпиктетовой философии. Учение стоиков, особенно Эпиктета, превозносившего человеческий разум и на этой основе придавшего человеку божественное достоинство, привлекло внимание итальянских гуманистов. Но и в «Енхидрионе», имевшемся в древнерусской письменности, встречается, например, изречение: «Вес мир нас деля быс, а не мы его ради». По словам описавших «Енхидрион» А. Горского и К. Невоструева, этого изречения в греческом оригинале нет.⁴

В капитальном исследовании М. Н. Сперанского «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности» указывается еще источник, знакомивший Русь с античным культурным наследием. Это был флорилегий, представлявший собой свод античной культурной мысли в отрывках из произведений наиболее значительных ее представителей. Этот флорилегий, известный на Руси, как и на Западе, в христианизирующей византийской обработке, сыграл свою роль в формировании идеологии Возрождения. Оценивая значение византийского флорилегия на Руси, М. Н. Сперанский отличает его как от распространенных на Руси «церковных по духу писаний», так и от писаний «не узко церковных». Вместе с тем, как полагает М. Н. Сперанский, флорилегий «не способствовал у нас прививке (не говоря уже о развитии) античного миропонимания».⁵ Причину этого М. Н. Сперанский видит в том, что церковь придавала византийским влияниям одностороннее, церковно-религиозное направление, враждебное как античной, так и западной культуре. В оценке деятельности церкви М. Н. Сперанский, конечно, прав. Нельзя при этом не указать, что в своем исследовании М. Н. Сперанский не принял во внимание противоборствующие церкви течения в Твери, Пскове, Новгороде, Москве, которые отнюдь не считались с направлением, какое задавала церковь тем или иным культурным влияниям. Между тем учет всех фактов и факторов, имевших место в общественной и культурной жизни Руси XV—XVI вв., изменил бы перспективу исследования М. Н. Сперанского, что позволило бы ему по достоинству оценить значение византийского флорилегия как источника сведений для древнерусского читателя о культуре античного мира.

Однако, кроме античных традиций, завещанных эпохой Киевской Руси, кроме живого общения с Византией и многочисленных памятников античной мысли, представленных в русской письменности XIV—XVI вв., существовал еще источник, знакомивший древнерусское общество с идеями античного мира. Силой исторических условий, создавших те барьеры на путях к овладению античной культурой, которые справедливо перечислил В. Иконников, этот источник был подчеркнут в своем значении. Мы имеем в виду патристические сочинения II—VII вв., усвоившие, употребляя выражение В. Иконникова, «остатки древней образованности». Со времен Киевской Руси, а особенно с XIV в. и позднее, непосредственно из Византии и окружающим путем, через посредство юго-западных славян, патристические сочинения вливались в древнерусскую письменность и старательно размножались писцами.

³ См.: М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, стр. 396.

⁴ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки, отд. II. М., 1859, № 154.

⁵ М. Н. Сперанский. Переводные сборники... стр. 571.